

IN MEMORY

АНАТОЛЬ ВАСІЛЬЕВІЧ ШАРКОЎ
18.04.1948 – 20.01.2020

А. В. Шарков

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БССР

Нацистская Германия 1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут по средневропейскому времени начала вооруженную агрессию против Польши. Войска вермахта в течение первой недели прорвались на многих участках обороны и продвинулись в глубь страны. Начавшийся в первые дни войны отход польских войск быстро превратился в беспорядочное отступление. Германские войска двигались к центру страны с севера, северо-запада, постепенно замыкая польскую армию в огромный «котел».

Правительство Польши, видя безвыходность положения, оставило страну и эмигрировало 16 сентября в Румынию. Однако многие польские патриоты продолжали сражаться. Солдаты и офицеры, целые воинские части, оставшись верными присяги, в эти тяжелые дни проявили величайшую стойкость и мужество, выполняя воинский долг. Однако, несмотря на мужественное сопротивление польских военнослужащих, германская армия, обладая значительным военным превосходством, уже к 15 сентября заняла Брест и пересекла «линию Керзона», признанную международным сообществом в 1919 г. западной границей Советского государства.

Отошедшие на Люблинщину соединения польской армии к 17 сентября были окружены и 25 сентября капитулировали. 28 сентября была подписана капитуляция Варшавы. 5 октября польская войсковая группировка «Полесье», под командованием генерала Ф. Клеберга дала последний бой германским захватчикам. В условиях фактического разгрома польской армии и распада польского государства, а также имевшейся договоренности между Германией и СССР было принято решение ввести войска Красной армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины, которые были оккупированы Польшей в 1920 г.

К вечеру 16 сентября 1939 г. группировка войск Красной армии была выведена на исходные рубежи для освободительного похода. В приказе, зачитанном личному составу войск Западного и Украинского фронтов, разъяснялись политические и военные цели военной кампании. Подчеркивалось, что Красная армия направлена на территорию Западной Беларуси и Западной Украины «выполнить революционный долг и свою обязанность оказать безотлагательную помощь и поддержку белорусам, украинцам, трудящимся

края, чтобы спасти их от угрозы разорения и избиения со стороны врагов» [1, с. 27]. Войскам категорически запрещалось бомбить с воздуха и обстреливать артиллерией населенные пункты. От военнослужащих требовали лояльного отношения к бойцам польской армии, которые не оказывают сопротивления, соблюдают законы войны. В приказе заявлялось, что Красная армия не завоевательница, а освободительница своих кровных братьев – белорусов и украинцев. В 5.00 17 сентября части Белорусского и Украинских фронтов перешли советско-польскую границу и, преодолев сопротивление польской пограничной охраны, заняли территорию Западной Беларуси и Западной Украины. К 25 сентября войска достигли рубежа по р. Западный Буг и Сан, который был установлен в результате советско-германских секретных договоренностей. На пути движения советские войска почти не получали сопротивления польских вооруженных сил, за исключением отдельных случаев. По свидетельству польских источников, в этот период произошло около 40 случаев сопротивления пограничных патрулей частям Красной армии. Серьезные бои имели место под Кобрином, Шацком, Гродно, Вильнюсом, Белостоком и Самбором. Основные силы польской армии в столкновениях не участвовали. Целые части и соединения добровольно складывали оружие. В результате ко 2 октября в советском плену оказалось 452 536 человек, в том числе 18 789 офицеров [2, с. 25].

Среди пленных находилось значительное количество лиц белорусской и украинской национальности, которых накануне Второй мировой войны было призвано в польскую армию более 80 и 100 тыс. человек соответственно [3]. Отправившись сражаться в польскую армию против фашистов, оборонять свое отечество, когда Германия напала на Польшу, они вдруг оказались противником на своей земле для войск Красной армии, которая пришла на территорию Западной Беларуси и Западной Украины после подписания пакта Молотова–Риббентропа для обороны интересов друзей – белорусов и украинцев. И поскольку войска были польские, белорусы и украинцы, служившие в них, оказались вне закона. Поэтому и судьбу их новая власть определила таким образом: плен и лагеря вдали от родины.

Однако вернемся на несколько лет назад от описываемых событий. Руководство НКВД, а именно на этот наркомат советским правительством было возложено решение всех вопросов, касающихся военнопленных, тщательно готовилось к их приему. Прежде всего, было решено обновить нормативно-правовую базу, регулирующую вопросы плена в советском государстве. В первой половине сентября 1939 г. на замену действующему «Положению о военнопленных», утвержденному ЦИК и СНК СССР еще 19 марта 1931 г. и переставшему теперь удовлетворять руководство страны, был подготовлен проект нового положения, который 20 сентября был одобрен Экономическим советом при СНК СССР. Хотя этот проект и не был утвержден СНК СССР, это не помешало НКВД руководствоваться им в своей деятельности в отношении военнопленных.

Следует отметить, что необходимость разработки и утверждения Положения о военнопленных была вызвана причинами, уходящими своими корнями в 20-е годы. Дело в том, что 27 июля 1929 г. в Женеве на международной конференции были приняты конвенции «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Советский Союз не участвовал в работе этой конференции. И хотя обе конвенции были тесно связаны друг с другом, руководство СССР решило принять лишь одну из них. 25 августа 1931 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов подписал соответствующую декларацию, и с 26 марта 1932 г. конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» вошла в силу для СССР. Конвенция «Об обращении с военнопленными» (вплоть до подписания в 1949 году в Женеве новой конвенции о военнопленных) так и осталась проигнорированной советским руководством по причине того, что режим, установленный конвенцией, по их мнению, представлялся малоудовлетворительным. В силу указанных обстоятельств, не связывая себя формально какими-либо конвенциями по этому вопросу, СССР разрешил его в порядке своего внутреннего законодательства. Таким образом, 19 марта 1931 г. постановлением ЦИК и Совнаркома СССР было утверждено Положение о военнопленных, действовавшее на территории СССР в начале советско-польской кампании 1939 года.

Еще до того, как проект «Положения о военнопленных» был одобрен Экономическим советом, а конкретнее 19 сентября 1939 г., приказом наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия за № 0308 «Об организации лагерей военнопленных» было образовано Управление по военнопленным (УПВ). В этот же день был утвержден и штат Управления, окончательное название которого – «Управление по делам военнопленных и интернированных» (УПВИ) – стало с июля 1940 г., когда в лагеря НКВД для военнопленных поступили интернированные из Литвы польские граждане. Начальником УПВ был назначен майор П. К. Сопруненко, работавший ранее в секретариате НКВД СССР, комиссаром – полковой комиссар С. В. Нехорошев, переведенный из ГУЛАГа (Главного управления лагерей). Заместителями начальника УПВ являлись лейтенант госбезопасности И. И. Хохлов (отвечал за оперативную работу), майор И. М. Полухин (ответственный за охрану и учет военнопленных), М. А. Слуцкий (ведавший финансовыми и хозяйственными вопросами).

В соответствии с содержанием задач, решаемых Управлением по военнопленным, было организовано его структурное построение. Штат УПВ состоял из 56 человек. Структурно в него входило пять отделов – политический, режимный, учетно-регистрационный, отдел снабжения и санитарный. Соответственно их возглавляли С. В. Нехорошев, А. В. Тишков, И. Б. Макляревский, Н. В. Соколов. В НКВД СССР контроль за работой УПВ был возложен на заместителя наркома внутренних дел СССР комдива В. В. Чернышева, ведавшего также ГУЛАГом. Основная задача УПВ состояла в непо-

средственным руководстве организацией лагерей, размещении, приеме, учете, содержании и трудовом использовании военнопленных и интернированных, в решении организационных, материально-технических и других вопросов. Среди них одним из первоочередных был вопрос о развертывании приемных пунктов, лагерей-распределителей и лагерей-стационаров для поступающего контингента военнопленных польской армии, выработке норм обеспечения их жилыми помещениями, вещевым довольствием и т.д.

Между тем военнопленные поляки стали поступать на приемные пункты уже 17 сентября 1939 года. Для их приема первоначально было открыто восемь пунктов – по четыре на территории Беларуси и Украины. В частности, на белорусской территории эти пункты дислоцировались на станциях Заболотники, Хлюстино, Друть, Жлобин [4, л. 164]. Однако усиливающийся поток военнопленных, а также других арестованных поляков вынудил НКВД уже к 20 сентября направить руководителям оперативных групп указание, в котором, в частности, отмечалось: «По договоренности с Генштабом РККА развертываются новые пункты приема военнопленных: по БССР – на станциях Ореховно, Радошковичи, Столбцы, Тимковичи, Житковичи; по УССР – на станциях Олевск, Шепетовка, Пограничная, Волочинск, Ярмолинцы, Каменец-Подольский, куда части РККА будут доставлять военнопленных». Существующие пункты к 21 сентября предписывалось перенести в указанные места дислокации в глубине занимаемой территории. Военнопленных из них «направлять под конвоем в открываемые лагеря». Далее в указании предписывалось, что из Белоруссии военнопленные эшелонами (автотранспортом) следуют в Осташковский, Юхновский, Козельский, Вязниковский и Оршский лагеря, а из приемных пунктов Украины – в Путивльский, Козельшанский и Старобельский. «Обращаю ваше внимание, – подчеркивал нарком НКВД Л. П. Берия, – на необходимость серьезной, продуманной организации работы по обслуживанию пленных... Обеспечить при этом четкий порядок, дисциплину, хорошее обращение с пленными... При конвоировании не допускать ни одного побега... Ежедневно докладывать о количестве принятых на пунктах приема военнопленных и отправляемых в лагеря» [5, с. 34].

Пункты НКВД СССР по приему военнопленных (приемные пункты) организовывались по приказу наркома внутренних дел Союза ССР. Организация пунктов и руководство их дальнейшей деятельностью возлагалось на Управление НКВД СССР по делам военнопленных через НКВД, УНКВД республик, краев и областей, на территории которых располагался приемный пункт. В частности, в соответствии с реализацией приказа наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия об организации новых приемных пунктов на территории Беларуси. Нарком внутренних дел республики Л. Цанава своим приказом произвел назначение на руководящие должности вновь открытых пунктов для приема польских военнослужащих, сложивших оружие. Так, начальником приемного пункта Ореховно был назначен В. З. Широко, по-

мощником – Я. Д. Эпштейн, оперработником – П. А. Макаров; начальником приемного пункта на ст. Радошковичи – К. К. Демидов, помощником – А. А. Маев, оперработником – И. И. Качан; начальником приемного пункта на ст. Столбцы – А. И. Макаревич, помощником – З. Г. Вольсон, оперработником – Ф. Н. Бабич; начальником приемного пункта на ст. Тимковичи – А. И. Войтко, помощником – В. З. Малкин, оперработником – А. А. Терешкевич. На приемный пункт Житковичи были назначены только начальник и оперработник, которыми соответственно являлись К. А. Перевалов и С. Д. Соловьев. Руководство приемных пунктов в своей деятельности руководствовалось «Временной инструкцией о работе пунктов НКВД по приему военнопленных», утвержденной заместителем наркома НКВД СССР комдивом Чернышевым 29 декабря 1939 г., а также распоряжениями и указаниями управления НКВД по делам о военнопленных, НКВД республики и УНКВД области, на территории которой дислоцировался приемный пункт.

Этим же приказом начальникам горотделов и райотделов, на территории которых дислоцировались вновь открытые пункты приема военнопленных, предписывалось оказать практическую помощь руководству пунктов в подыскании и немедленном освобождении необходимых помещений, обеспечении снабжения продовольствием, гужевым и автомобильным транспортом, хозяйственным инвентарем и другими необходимыми материалами. На начальников горрайотделов внутренних дел также возлагалась персональная ответственность за нормальную работу пунктов. Обеспечение пунктов положенным питанием военнопленных по утвержденным нормам возлагалось на начальника отдела исправительно-трудовых колоний (ОИТК) НКВД БССР младшего лейтенанта госбезопасности Раппе, ему же указывалось на строгое соблюдение установленных норм [6, л. 165].

Прием военнопленных от частей Красной армии производился лично начальником приемного пункта или его помощником в любое время дня и ночи по спискам, заверенным командованием части. При этом больные и раненые военнопленные направлялись в военные госпитали. Приему на пункты также подлежали беженцы.

При приеме на пункты весь поступающий контингент до их размещения по жилым помещениям подлежал тщательному обыску, а вещи досмотру. При обыске подлежали изъятию: все виды оружия, бинокли, фотоаппараты, игральные карты, топографические карты и планы местности, финские ножи, спиртные напитки, литература, служебные документы и различные записи, электрические фонарики, свистки, компасы, противогазы, военное снаряжение (сверх одного комплекта), крупные суммы денег (свыше 1000 руб). По окончании обыска составлялся акт в трех экземплярах, в котором обозначались все изъятые при обыске предметы. Первый экземпляр с изъятими предметами направлялся в райвоенкомат (трофейную комиссию), второй экземпляр – в Управление НКВД СССР по делам военнопленных и третий экземпляр оставался в делах пункта.

На изъятые при обыске деньги военнопленному выдавалась квитанция.

Не подлежали изъятию у военнопленных: обмундирование, постельные принадлежности, белье, котелки и другая посуда, деньги, табак (папиросы), спички (зажигалки). Военнопленным также оставляли часы, кольца, портсигары, личные письма и фотокарточки (за исключением военных фотографий), предметы религиозного культа, канцелярские принадлежности.

При обнаружении при обыске военнопленного предметов, не обозначенных выше в перечне, вопрос об изъятии или оставлении на руках военнопленного этих предметов решался по усмотрению начальника пункта. Если обнаруженные предметы не являлись собственностью военнопленного (части и детали от машин и т.д.), они подлежали изъятию.

Поступающий в приемные пункты контингент подвергался санобработке (баня, дезинфекция). Военнопленные, заявившие жалобы на болезненное состояние, подвергались медосмотру. В случаях, когда среди направленной на приемный пункт партии военнопленных выявлялся эпидемический больной или поступившая партия имела контакт с таким больным, при их приеме на пункт накладывался карантин, и по указанию врача приемного пункта проводились противоэпидемические мероприятия. В каждом случае эпидемического заболевания информировалось местное УНКВД и Управление по делам военнопленных. Отправление военнопленных с пунктов, где был наложен противоэпидемический карантин, впредь до указаний Управления НКВД СССР по делам о военнопленных временно прекращался. Впоследствии врач приемного пункта ежедневно проводил обход помещений военнопленных, осуществлял текущий санитарный и пищевой надзоры и оказывал нуждающимся необходимую помощь.

Для лучшей организации учета военнопленных и управления ими весь спецконтингент, находящийся на приемном пункте, разбивался на сотни и из их числа назначались старшие сотни.

Все движение содержащегося в приемных пунктах контингента фиксировалось в ежедневных строевых записках, и эта информация также в зашифрованном виде поступала в Управление по делам о военнопленных НКВД СССР.

Развернутые для содержания военнопленных приемные пункты представляют собой обнесенную колючей проволокой высотой в 2,5 метра территорию. С внутренней и внешней сторон ограждения имелись предупредительные зоны, проход в которые был запрещен. На территорию имели право входить по своим удостоверениям сотрудники пункта и работники НКВД, командированные на пункт. Для пропуска, в случаях необходимости, на территорию пункта устанавливались разовые пропуска единого образца, которые выдавались за подписью начальника, а в его отсутствие дежурным по пункту и только лицам, пребывание которых вызывалось служебной необходимостью.

Охрану военнопленных на приемных пунктах, дислоцированных на территории Беларуси, осуществляли военнослужащие 15-й конвойной бригады войск НКВД под командованием полковника Рыбакова. Взаимоотношения начальника приемного пункта с командиром подразделения, несущего охрану пункта, определялись приказом НКВД СССР от 19 сентября 1939 г. за № 0390. Войсковое подразделение, несущее службу охраны приемного пункта, в административно-строевом отношении командованию приемного пункта не подчинялось, но выполняло требования последнего в отношении временного усиления наружной охраны на отдельных секторах или постах; выделения боевого состава для ликвидации массовых беспорядков или бунта военнопленных, для пресечения готовящегося их массового побега или для отражения нападения на приемный пункт извне, а также при проведении внезапных массовых осмотров помещений военнопленных.

Командир дежурного подразделения по прибытии в приемный пункт по вызову начальника приемного пункта или дежурного по приемному пункту поступал в их распоряжение до прибытия командира войскового подразделения. По прибытии в приемный пункт командир войскового подразделения принимал командование караулом и дежурным подразделением, действовал по плану, разработанному совместно с начальником приемного пункта. Он же не вмешивался в распоряжения командира войскового подразделения, отдаваемые последним караулу и дежурному подразделению. Вместе с тем командир обязан был выполнять задания начальника приемного пункта по восстановлению порядка. Предварительные устные оперативные задания начальник приемного пункта обязан был подтвердить письменно.

Командование приемного пункта не вправе было требовать от войскового подразделения выделения боевого состава: для конвоирования военнопленных в баню и лечебные учреждения, другие пункты; для охраны военнопленных на работах, проводимых вне пункта (если по этому вопросу не имелось специальных указаний Главного управления конвойных войск); для охраны новых пунктов (отделений), не предусмотренных при организации приемного пункта.

Конвоирование военнопленных в другие пункты осуществлялось конвоями по распоряжению штаба конвойных войск НКВД СССР. За побег военнопленных, совершенный через вахтерские проходные приемного пункта, состав караула ответственности не нес.

Поступающий в приемные пункты контингент размещался дифференцированно. Военнопленные офицеры, государственные чиновники, полицейские, жандармы и члены контрреволюционных партий содержались отдельно от солдат и младшего начальства. Отдельно от мужчин размещались военнопленные женщины.

Жизнь, быт и нормы поведения военнопленных определялись распорядком дня, который устанавливался в соответствии с уже упоминавшейся выше Временной инструкцией. В дневное время от подъема до отбоя содержащемуся в приемных пунктах контингенту разрешалось свободное перемещение

внутри охраняемой зоны. После отбоя всякое передвижение по территории пункта без разрешения администрации было запрещено. Время подъема и отхода ко сну в соответствии с распорядком дня для военнопленных устанавливалось в зависимости от местных условий. Распорядок дня приемного пункта, как правило, был следующим: подъем 7.00, утренний туалет и уборка помещений – 7.00 – 7.30, утренняя проверка – 7.30 – 8.00, завтрак – 8.30 – 9.30, работа на территории пункта – 9.30 – 16.30, обед – 16.30 – 18.30, культурно-массовая работа – 18.30 – 21.00, ужин – 21.00 – 22.00, вечерняя проверка – 22.00 – 22.30, отбой – 23.00. К обеспечению контроля за поведением военнопленных и соблюдением ими распорядка дня внутри зоны устанавливались вахтерские посты, а также привлекались все сотрудники пункта. Следует отметить, что курение в занимаемых военнопленными помещениях категорически запрещалось. Для курения отводились специальные места во дворе пункта, а в холодное время – специальное помещение, снабженное бочкой с водой.

Военнопленных разрешалось привлекать к работам по хозяйственному обслуживанию нужд пункта, причем вывод их на работы за зону пункта производился только под конвоем. Лица, выводимые на внешние работы, сдавались дежурным по пункту по списку старшему конвоя и по списку таким же образом принимались обратно. Часовые, сотрудники пункта и находящиеся в наряде вахтеры должны были немедленно пресекать всякую попытку военнопленных установить связь с окружающим населением. Какое бы то ни было использование труда содержащегося контингента в личных целях, покупка вещей у военнопленных, как и прием от них подарков и иных услуг, сотрудникам пункта категорически запрещалось и рассматривалось как недопустимая связь со всеми вытекающими в этом случае последствиями.

По отношению к содержащемуся контингенту со стороны администрации, охраны и сотрудников приемного пункта требовалось вежливое обращение. На неправомерные в их отношении действия военнопленные могли подавать жалобы и заявления в адрес любого вышестоящего органа НКВД или правительственные учреждения. Жалобы и заявления, адресованные в Президиум Верховного Совета СССР и союзных республик, Совнарком СССР, комиссию Советского Контроля, ЦК ВКП(б), комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), народному комиссару внутренних дел СССР, а также Управление по делам о военнопленных, поданные в закрытом виде, подлежали немедленному отправлению адресату.

Среди военнопленных, содержащихся в пунктах, предусматривалось проведение политико-массовой работы по указаниям политотдела Управления НКВД СССР по делам о военнопленных. Свидания, переписка, посылки и передачи находящимся на пункте военнопленным запрещались. Им разрешались чтение газет и книг, игра в шашки, шахматы и другие неазартные игры.

Питание военнопленных осуществлялось по установленным нормам, с выдачей горячей пищи не менее двух раз в сутки и кипятка по потребности.

Обо всех происшествиях на приемном пункте (побег, смерть военнопленного, пожар, беспорядки и т.п.) начальник пункта немедленно доводил до сведения начальника УНКВД и одновременно в Управление по делам о военнопленных НКВД СССР.

Отправка военнопленных с приемного пункта производилась только по нарядам Управления по делам о военнопленных. На группы лиц, отправляемых в лагеря, составлялись этапные списки в трех экземплярах, которые подписывались начальником пункта. Два экземпляра списка выдавались начальнику конвоя (один для лагеря), третий экземпляр с распиской начальника конвоя о приеме этапа оставался в делах пункта. После убытия этапа на основании этапного в книге регистрации в соответствующих графах делалась отметка о дате убытия и места убытия военнопленного. Такая же запись делалась и в случае убытия военнопленного в другие места. Перед отправкой врач приемного пункта выявляет лиц, не могущих по состоянию здоровья следовать с этапом, и визирует эшелонные списки с указанием об отсутствии на приемном пункте эпидемических заболеваний. Следует отметить, что в состав эшелона численностью от 1 000 человек и выше выделялся один специально оборудованный санитарный вагон.

Об убытии этапов из приемного пункта начальник по телеграфу сообщал в Управление НКВД СССР по делам о военнопленных по специально установленному коду.

Как уже отмечалось выше, военнопленные из приемных пунктов следовали в стационарные лагеря НКВД. В соответствии с приказом № 0308 начальникам УНКВД Калининской, Смоленской, Черниговской и Горьковской областей предписывалось развернуть 8 лагерей военнопленных и к 1 октября 1939 года довести их до 68 тыс. человек. Развертывание лагерей военнопленных происходило в соответствии с мобилизационным планом отдела исправительно-трудовых колоний. Так, Осташковский (Калининская обл.) и Южский (Ивановская обл.) лагеря разворачивались на базе бывших детских трудовых колоний НКВД. Путивльский (Сумская обл.), Козельшанский (Полтавская обл.), Старобельский (Ворошиловоградская обл.), Оранский (Горьковская обл.) – на базе помещений бывших монастырей, Юхновский и Козельский (Смоленская обл.) – на базе санатория «Павишев (Павлищев) Бор» и дома отдыха им. М. Горького. К концу 1939 г. с учетом возрастающего поступления спецконтингента численность лагерей увеличилась до десяти, а в 1940 году их стало четырнадцать. Основными задачами, согласно утвержденному 23 сентября 1939 г. В. Чернышевым «Положения о лагере для военнопленных» являлись: содержание военнопленных в условиях изоляции, создание режима, исключаящего всякую возможность побега, проведение агитационной и другой культурно-массовой работы среди содержащегося контингента.

В соответствии с содержанием задач, возложенных на лагерь, было организовано их структурное построение. Организационно аппарат управления лагеря военнопленных состоял из канцелярии, оперативного, политического, учетно-распределительного, хозяйственного, финансового и санитарного отделений, а также команды внутренней и пожарной охраны. Управление всем комплексом деятельности лагеря осуществлялось на основе единоличного руководства начальника, имевшего заместителей и помощника. Деятельность начальника носила исполнительно-распорядительный характер. Он нес всю ответственность за состояние работы всего лагеря.

Правительством СССР для создаваемых лагерей определялось необходимое материально-техническое, продовольственно-вещевое, санитарно-медицинское и другое обеспечение. В частности, 20 сентября 1939 г. Экономический совет при СНК СССР утвердил нормы продовольственного и вещевого снабжения военнопленных. Так, военнопленному в сутки полагалось 800 г. хлеба, 130 г. крупы (вермишель, макароны), 50 г. мяса, 75 г. рыбы, 20 г. сахара, 500 г. овощей, жиры, специи; также на месяц выдавалось 200 г. мыла, 5 пачек махорки и др. Наркоматом торговли для военнопленных было выделено необходимое количество постельных принадлежностей, одежды, белья и др. [7, с. 10–13].

В конце сентября принимаются и другие организационно-нормативные документы, касающиеся содержания военнопленных и деятельности лагерей. Так, 23 сентября 1939 г. были утверждены: «Временное положение о медико-санитарном обслуживании военнопленных в системе Управления НКВД СССР по делам военнопленных» и «Положение о лагере для военнопленных». 25 сентября – директива УПВ «Об организации работы отделений по учету военнопленных в лагерях», а три дня спустя – «Временная инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» и «Правила внутреннего распорядка лагеря НКВД для содержания военнопленных». В этих документах довольно подробно регламентировались не только функции отдельных структурных подразделений (например, отделений по учету военнопленных), но и обустройство лагерей, порядок приема и содержания военнопленных, их права и обязанности, меры дисциплинарного воздействия к нарушителям установленного порядка и т.д. Военнопленным категорически запрещались все виды оружия, спиртные напитки, наркотические и лекарственные средства, всевозможные документы, топографические и игральные карты, деньги (свыше установленной суммы – 100 руб. в месяц), ценные вещи. Разрешалось ношение форменной одежды, знаков различия, наград. Военнопленные могли пользоваться книгами, журналами, газетами, предметами обихода, туалета, письменными принадлежностями. Им разрешалось хранение небыстро портящихся продуктов питания и т.д.

Распорядок дня предусматривал подъем военнопленных в 7.00 часов, отбой – 23.00 часа. В этом промежутке отводилось время на прием пищи, занятие физкультурой, культурно-массовые мероприятия и работы в лагере. Использование труда военнопленных за пределами лагеря не предусматрива-

лось. «Правила внутреннего распорядка...» запрещали грубое и унижающее человеческое достоинство обращение с содержащимся контингентом. К военнопленным, допускающим нарушения установленных правил, предусматривались дисциплинарные взыскания – перевод в штрафной барак (до 1 месяца) или на гауптвахту – до 20 суток, где также разрешалось чтение книг, журналов и газет. Нормы питания нарушителям не снижались. За злостное неповиновение лагерной администрации, также совершение уголовного преступления во время пребывания в плену виновные подлежали судебному преследованию.

Рассматривая организационно-правовые мероприятия государства в отношении военнопленных, отметим, что польских военнослужащих, оказавшихся в руках Красной армии, а затем НКВД, причислить к военнопленным было бы не верно. Согласно нормам международного права и даже действующего в то время в СССР «Положения о военнопленных» военнопленными признавались лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР и которые захвачены при военных действиях. Эта норма распространялась и на интернированных граждан противоборствующей стороны. Но поскольку между СССР и Польшей не было состояния войны, так как ее не объявила ни одна из сторон, то и говорить в этом случае о правовом положении польских военнопленных безосновательно. Ввиду указанных обстоятельств нельзя было направлять польских военнослужащих в лагеря для военнопленных. Но, несмотря на это, реальность оказалась совершенно иной. В лагерях НКВД по его сведениям оказалось 130 242 человека [8].

Однако не все бывшие польские военнослужащие после их разоружения оказались в лагерях. Некоторым выпала иная участь. Так, из-за нехватки мест в приемных пунктах и лагерях многих сдавшихся в плен, на основании постановления СНК СССР «О военнопленных» от 3 октября 1939 г., просто отправляли по домам. Это коснулось той части рядового состава бывших военнослужащих польской армии, родина которых были территории Западной Беларуси и Западной Украины. При этом для строительства дороги Новоград Волынский – Корец – Львов оставлялось 25 000 военнопленных на срок до конца декабря (окончания строительства 1-й очереди).

В ходе выполнения выше указанного постановления правительства «О военнопленных» к освобождению из лагерей и приемных пунктов было намечено 44 651 человек из жителей Западной Беларуси и Западной Украины, из которых впоследствии было освобождено 42,4 тыс. человек, остальные были переданы для трудового использования на предприятия Наркомчермета. Военнопленные офицеры, а также крупные военные и государственные чиновники подлежали отправке в Старобельский лагерь. Пленные разведчики, контрразведчики, жандармы, полицейские и тюремщики направлялись в Калининскую область в Осташковский лагерь.

Освобождение военнопленных (мелкими группами) осуществлялось и позже. В частности, в феврале 1940 г. в докладной записке на имя Л. П. Берии начальник УПВИ Сопруненко писал: «Для разгрузки Старобельского и Козельского лагерей, прошу Вашего распоряжения на проведение следующих мероприятий:

1. Всех тяжелобольных, полных инвалидов, туберкулезников, стариков от 60 лет и выше из числа офицерского состава, которых насчитывается около 300 человек, отпустить по домам.

2. Лиц, из числа офицеров запаса – жителей западных областей УССР и БССР – агрономов, врачей, инженеров, техников, учителей, на которых нет компрометирующих материалов, отпустить по домам. По предварительным данным, из этой категории может быть отпущено 400–500 человек...».

Третий пункт докладной касался большинства содержащихся в лагерях, прежде всего офицеров, полицейских, жандармов и др. Вносилось предложение дела их всех «оформить для рассмотрения на Особом совещании при НКВД». Часть предложений начальника УПВИ была удовлетворена.

Военнопленных солдат, родина которых находилась в немецкой части Польши, предписывалось содержать в Козельском лагере Смоленской области и Путивльском лагере – Сумской до решения вопроса с немецкой стороны об отправке их на родину. В октябре месяце такая договоренность по инициативе германской стороны была достигнута. 14 октября 1939 г. СНК СССР принял постановление № 1691-415 по этому вопросу, согласно которому в октябре и ноябре 1939 г. немецкой стороне через пограничные пункты у Брест-Литовска и между станциями Яготин и г. Дорогуском было передано 42 492 пленных поляка. Следует отметить, что в 1940–1941 гг. по запросам германского посольства немцам было передано еще 562 человека. Вместе с тем германские власти также с октября 1939 г. по весну 1941 г. передали в СССР 13 757 бывших польских граждан. В частности, 16 октября 1939 г. в адрес опергруппы НКВД на Белорусском фронте пришла директива Л. П. Берия о поступлении от германского командования 20 тыс. человек военнопленных по национальности белорусов и украинцев, имеющих семьи на нашей территории.

Трагической оказалась судьба 14 552 польских граждан, содержащихся в качестве военнопленных в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях и уничтоженных НКВД в марте–мае 1940 г. в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. В этот же день Политбюро не только вынесло решение о расстреле тех польских военных, которые находились в лагерях, но предложило НКВД применить высшую меру наказания – расстрел – к арестованным и находившимся в тюрьмах западных областей Украины и Беларуси 11 тыс. человек, членов различных контрреволюционных, шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков [9, с. 75–86].

Предыстория этого чудовищного акта была следующая. В конце февраля – начале марта (точную дату установить не удалось) в докладной № 794/Б (буква «Б» – личный шифр Берии) в ЦК ВКП(б) «О бывших офицерах польской армии, содержащихся в лагерях для военнопленных» всесильный нарком НКВД писал:

«Совершенно секретно» ЦК ВКП(б) Товарищу Сталину

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р [контрреволюционных. – *А.Ш.*] партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. ... Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против Советской власти...

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков (по национальности свыше 97 % – поляки). Из них:

генералов, полковников и подполковников	– 295
майоров и капитанов	– 2 080
поручиков, подпоручиков и хорунжих	– 6 049
офицеров и младших командиров полиции пограничной охраны и жандармерии	– 1 030
рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков	– 144

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18 632 арестованных (из них 10 685 поляки), в том числе:

бывших офицеров	– 1 207
бывших полицейских, разведчиков шпионов и диверсантов	– 347
бывших помещиков, фабрикантов и чиновников и членов различных к-р повстанческих организаций и разного к-р элемента	– 465
перебежчиков	– 5 345
	– 6 127.

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами Советской власти, НКВД СССР считает необходимым...».

Судя по тому, что выписка из решения заседания Политбюро от 5 марта 1940 г. почти слово в слово повторила предложения Берии, процитируем последнее:

«I. Предложить НКВД СССР:

1) ...дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных, шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях для военнопленных, – по справкам из дел, представляемых Управлением по делам военнопленных НКВД СССР.

б) на лиц, арестованных – по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК» [9, с. 86–87].

Репрессивно-карательная машина закрутилась быстро и слаженно. Уже 7 марта Берия направил начальнику УПВИ приказ «О составлении точных списков польских офицеров, содержащихся в лагерях для военнопленных». Кроме информации о собственно военнопленных, требовались и обширные данные на членов семьи каждого из них, в том числе близких родственников – родителей, братьев и сестер, их точный адрес жительства. Сведения необходимо было собрать секретно, на основе имеющихся в лагере материалов. Опрос военнопленных на этот счет рекомендовалось осуществлять лишь с целью уточнения имеющихся данных, и то в отдельных случаях. Работу предлагалось завершить в пятидневный срок.

В тот же день в адрес наркомов внутренних дел Белорусской и Украинской ССР и поступило распоряжение Берии «О выселении в Казахстан членов семей, содержащихся в лагерях для военнопленных и тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии и бывших офицеров польской армии». Им предписывалось в срок до 15 апреля 1940 г. выселить в районы Казахской ССР сроком на 10 лет всех членов семей, содержащихся в лагерях военнопленных и тюрьмах западных областей, бывших польских офицеров, полицейских, жандармов, чиновников и т.д. «Операцию» по выселению требовалось провести «В один день... с наступлением рассвета».

Исходя из всего, в отведенное время уложились. Как свидетельствуют документы, расстрелы начались в марте, а завершилась кровавая расправа в мае 1940 г.

3 марта 1959 г. председатель КГБ СМ СССР А. Н. Шелепин писал Н. С. Хрущеву о том, что на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по решениям специальных троек расстреляно 21 857 человек пленных и интернированных офицеров, генералов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши., из них: в Катынском лесу (Смоленская область) – 4 421 человек, Старобельсктм лагере близ Харькова – 3 820 человек, Осташковском лагере (Калининская область) – 6 311 человек и 7 305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах по учетным делам, заведенным на них как военнопленных и интернированных в 1939 г.».

Руководил непосредственно операцией по уничтожению поляков начальник УПВИ П. К. Сопруненко.

К июлю 1940 г. в СССР осталось чуть более 23,5 тыс. военнопленных и интернированных, из которых около 400 военнослужащих и полицейских, оставшихся в живых и вывезенных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, содержались в Грязовецком лагере, остальные находились в производственных лагерях.

Летом 1940 г. количество обитателей лагерей для военнопленных увеличивается. По приказу НКВД СССР № 00806 от 6 июля 1940 г. «О перевозке интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего Польского государства» в лагерь НКВД СССР для военнопленных в Советский Союз должны были вывезти 4 767 человек, в том числе 859 офицеров. В результате выполнения этого приказа по состоянию на 23 июля в Козельский лагерь было доставлено 2 353 польских офицеров и полицейских, в Юхновский – 2 023 рядовых и младшего состава.

Еще одну группу польских граждан из 913 человек, в том числе 107 офицеров, НКВД СССР наметил вывезти из Прибалтики, теперь уже Латвии, по приказу № 001211 от 15 августа 1940 г.

По состоянию на 2 июня 1941 г. в лагерях УПВИ НКВД СССР содержалось 27 435 польских граждан.

В сентябре и октябре 1941 г. 25 115 польских военнослужащих и интернированных были переданы на формирование польской армии на территории СССР. Кроме них в лагерях для военнопленных находилось еще 289 польских граждан, не призванных в армию по болезни или как лиц немецкой национальности. Они были переведены в Актюбинский лагерь. По состоянию на 1 января 1942 г. там находилось 265 военнослужащих польской армии, из которых 263 человека являлись лицами немецкой национальности. К 1 марта 1944 г. их осталось 172 человека [9, с. 88–89].

Так сложилась судьба военнопленных польской армии и интернированных польских граждан в СССР.

Развязанная нацистской Германией Вторая мировая война вызвала массовые перемещения не только военнопленных и интернированных бывшего Польского государства, но и иных групп населения. Так, согласно информации комиссара НКВД БССР Л. Ф. Цанавы, на начало 1940 г. на территории

Беларуси находилось свыше 93 тыс. беженцев. Из них 4 90 поляков, 1 703 белоруса, 169 украинцев, 65 796 евреев, 577 русских и 1 396 представителей других национальностей.

Беларусь и Украина одни из первых среди советских республик ощутили на себе военно-политические преобразования после германо-польской войны. В результате раздела Польши советские войска заняли территорию около 190 тыс. км² с населением около 12 млн человек, преимущественно украинцев и белорусов. Линия соприкосновения советских и германских войск в основном совпадала с «линией Керзона» – приблизительной границей расселения поляков с одной стороны, и белорусов и украинцев – с другой. Присоединение Западной Беларуси и Западной Украины к СССР было оформлено решением внеочередной 5-й сессией Верховного Совета СССР в ноябре 1939 г. Государственная граница СССР была отодвинута на 200–300 км к западу.

Польша была объявлена Гитлером генерал-губернаторством с административным центром в Кракове во главе с Г. Франком. Польское эмигрантское правительство, созданное 30 сентября 1939 г. В. Сикорским, квалифицировала советско-германский договор о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. как четвертый раздел Польши. В декрете польского президента говорилось о непризнании и незаконности любых оккупантов и борьбе вместе с союзниками Польши за полное восстановление суверенитета и независимости Польши в границах до 1 сентября 1939 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. кол-ва), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы / под ред. : М. М. Загоруйко. – М. : Логос, 2000. – 1118 с.
3. *Цімошык, Л.* Брама у неба / Л. Цімошык // Звезда. – 2004. – 27 жніўня.
4. Архив МВД Республики Беларусь. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 13.
5. *Чайковский, А. С.* Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.) / А. С. Чайковский. – Киев : Парламентское изд-во, 2002. – 503 с.
6. Архив МВД Республики Беларусь. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 13.
7. *Шарков, А. В.* Тяжкое бремя плена: военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Беларуси 1939–1951 гг. / А. В. Шарков, Е. Н. Мох-Докунова. – Минск : Звезда, 2015. – 200 с.
8. *Шарков, А. В.* Польский «коридор» / А. В. Шарков // Республика. – 2005. – 27 июля.
9. *Шарков, А. В.* Ссылка, высылка, депортация: принудительные миграции населения Белорусской ССР / А. В. Шарков. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 194 с.